

Социология культуры представляет собой довольно размытую предметную область, и сведение всех или хотя бы наиболее значимых ее направлений в единую систему, обладающую простотой и логической структурированностью учебника, является непростой задачей.

Отмечая в предисловии крайнюю немногочисленность зарубежной учебной литературы по социологии культуры и полное отсутствие отечественной, автор считает, что даже существующие учебники представляют собой скорее отражение не фактического состояния дисциплины в целом, а теоретических пристрастий тех, кто их пишет (с.6). И хотя размытость предмета предполагает известную субъективность в выборе тем и трактовке понятий, логика данного учебника строится на том, что степень этой субъективности должна быть по возможности ограничена за счет представления различных теоретических и методологических подходов к изучению культуры. Что касается личных пристрастий автора, то они сформулированы им самим в том же предисловии: "Основой настоящего учебника является рассмотрение процесса современного культурного перехода — резкого изменения роли культуры в жизни современного общества ... Это — сквозная идея книги" (с. 7).

Прежде чем рассказывать о том, что такое социология культуры, естественно решить, что понимать под культурой. С рассмотрения этой проблемы и начинается книга. Дается подробный лингвистический анализ употребления слова "культура" в разных языках — начиная с латинского и кончая современными европейскими. И хотя причины трансформации значений этого слова остаются за рамками лингвистической истории, при желании из последующих глав вполне можно получить представление о том, почему понятие "культура", ограниченное когда-то сельскохозяйственной сферой, со временем стало связываться с воспитанием и образованием, с процессом нематериального развития, с определенным состоянием общества, с типичным для определенного места и времени образом жизни или с формами и продуктами нематериальной деятельности; или в каком контексте культура может выступать как противоположность природы либо как противоположность цивилизации.

Культура как предмет науки появляется в результате осознания факта множественности культур (с этого момента слово культура начинает употребляться во множественном числе), осознания различий (в образе жизни, верованиях и т.п.) именно как культурных, и, соответственно, выделения культуры в особую сферу, которую можно изучать. Науки о культуре, перечень которых включает этнографию, этнологию, культурную и социальную антропологию, культурологию, философию и социологию культуры, возникли в разное время и развивались более-менее независимо друг от друга; но если говорить об общей истории наук о культуре, она вырисовывается как последовательная смена трех парадигм: эмпирической, эволюционистской и циклической (где признается отсутствие единого процесса развития культуры вообще, каждая культура признается самоценной и требующей изучения в ее собственных терминах). Социология культуры — "наука, которая рассматривает строение и функционирование культуры в связи с социальными структурами и институтами и применительно к конкретно-историческим ситуациям" (с. 16) — окончательно формируется в рамках последней парадигмы.

В начале книги приводится красноречивое высказывание немецкого социолога Беркинга: "Там, где раньше было "общество" ... стала "культура" (с.6). И после того, как описана история понятия "культура", следующей темой естественным образом оказывается история отношения социологии к культуре, идущая в направлении, обозначенном приведенной выше цитатой.

В социологии, которая зародилась прежде всего как наука, анализирующая культурные закономерности, с самого начала присутствуют две тенденции, сосуществующие в концепции Огюста Конта и часто расходящиеся впоследствии: объективистская, в которой разводятся объективные социальные и субъективные культурные формы, и культурно-аналитическая ("культурный анализ" — термин, предложенный автором в качестве одного из вариантов замены не очень удачного названия "социология культуры"), согласно которой "общество именно таково, каким оно

является в культуре" (с. 51). Процесс развития человечества, по Конту, вполне объективен и сродни естественнонаучным законам. И в то же время — это "прогресс духа". Привлекая понятие репрезентативной культуры, введенное современным немецким философом Ф.Тенбруком¹, автор показывает, что контовские три стадии развития человечества могут быть представлены как последовательная смена форм существования репрезентативной культуры, оговариваясь, однако, что сам Конт не имел этого в виду, поскольку концепция репрезентативной культуры плохо совмещается с идеей объективного нравственного прогресса.

Дальнейшая история социологии выглядит так: объективистская тенденция на уровне практической социологии стала чем-то вроде господствующей идеологии, но и культурно-аналитическая тенденция не исчезла и всегда была сильна — хотя бы на уровне теории. В частности, в книге большое внимание уделяется изложению концепции понимающей социологии Макса Вебера и последующему развитию этой традиции в работах представителей Чикагской школы, символического интеракционизма и социальной феноменологии (Чарльза Кули, Уильяма Томаса, Джорджа Мида, Альфреда Шюца и др.).

Основное различие между объективистской социологической традицией и культурным анализом состоит в том, что в первом случае социальные факты и структуры рассматриваются как объективные и не зависящие от того, что в них видят люди (в частности, социологи), а во втором — принимается противоположная предпосылка, согласно которой познание есть одновременно созидание нового, социальная жизнь реально протекает в соответствии с тем, как она понимается, социальные структуры существуют постольку, поскольку они признаются людьми и т.п. Для социолога культуры (или культурного аналитика) проблемой оказывается процесс объективирования того, что необъективно изначально, то, почему и как одни идеи становятся социальными реальностями, а другие нет. И понимание культуры в такой социологии близко определению репрезентативной культуры.

В следующей главе рассматривается комплекс социолого-культурных проблем (или тем), связанных с анализом повседневности (преимущественно в рамках феноменологической традиции), то есть социология повседневности как один из вариантов социологии культуры. Предметом исследования оказывается жизненный мир, в который погружен весь без исключения человеческий опыт, который практически никогда не рефлексирован и вообще мало доступен рефлексии. Повседневность понимается как нормальное состояние, само собой разумеющееся и существующее независимо от людей. Нарушая привычный ход вещей, вводя в структуру повседневности то, что не укладывается в рамки "нормального", можно подойти к пониманию культурной природы социальной реальности, ее сконструированности, увидеть, на каких принципах держится повседневность.

В качестве одного из примеров реакции повседневности на столкновение с аномальными явлениями (и также того, что аномально, следовательно, что нормально для повседневности) в книге широко используется материал романа М.А.Булгакова "Мастер и Маргарита". Характерными чертами повседневности оказываются ее прозрачность для понимания и предсказуемость, то есть все непонятное и ненормальное интерпретируется в понятных терминах, классифицируется как принадлежащее к определенному типу, и после этого поведение по отношению к непонятному осуществляется в соответствии с произведенной интерпретацией и типизацией (причем одна интерпретация накладываться на другую, и тогда при появлении нечистой силы можно одновременно пришить на грудь икону и обратиться в милицию). На материале романа рассматривается взаимодействие повседневности с некоторыми существующими по своей собственной логике конечными областями значений, то есть другими мирами опыта — религией, искусством, душевной болезнью и др., — которые способны создавать свою собственную реальность, оставаясь и при этом более или менее независимыми от повседневной практики физической жизни.

Анализируя историчность мира повседневности, его изменение во времени, автор

---

¹ "Культура является общественным фактом постольку, поскольку она является *репрезентативной культурой*, то есть производит идеи, значения и ценности, которые действительны в силу их фактического признания. Она охватывает все верования, представления, мировоззрения, идеи и идеологии, которые воздействуют на социальное поведение, поскольку они либо активно разделяются людьми, либо пользуются пассивным признанием" (с. 49).

приходит к выводу, что повседневность в том виде, в каком она существует сейчас (то есть характеризующаяся всеми теми элементами, которые выделил в ней Шюц — трудовой деятельностью, специфической уверенностью в существовании мира, напряженным отношением к жизни, особым переживанием времени, специфической личностной определенностью действующего индивида и особой формой социальности) — это чисто современное явление.

Следующее направление культурного анализа, рассматриваемое в книге, — это так называемый мифологический подход к изучению культуры. По существу здесь рассматриваются центральные категории социальной антропологии, но акцент делается не на исследованиях "примитивных" обществ, а на изучении жизненного мира, повседневности — уже не с точки зрения логической структуры, а в ее непосредственности. "Мифологический подход дает своеобразное видение коллектива как органической общности, не улавливаемой формальными социологическими классификациями. Выявив соответствующие мифы, можно установить связи, ускользающие от внимания тех, кто пользуется традиционным аналитическим инструментарием" (с. 163).

Три уровня, на которых реализуется мифологический подход (или три основных элемента, которые он исследует) — это ритуал, символ и миф. Исследование каждого из этих элементов позволяет выявить некоторые проявления тех латентных социальных форм, о которых упоминалось выше, а все вместе они образуют единую систему. В книге приводится множество определений каждого из трех элементов, взятых у различных социологов, антропологов и философов, и на основе их критического анализа и сопоставления с этнографическими или современными сюжетами вырисовывается наиболее адекватное, с точки зрения автора, их понимание, позволяющее широко оперировать этими категориями в культурном анализе, не ограничиваясь областью религии или традиционными обществами.

Сравнивая современные и традиционные общества (и отмечая при этом искусственность их обычного противопоставления, так как в реальном современном обществе продолжают сохраняться отдельные элементы традиционности, и их значение, возможно, будет возрастать), автор показывает, как изменяется характер ритуалов, символических и мифологических структур. Например, в современном обществе ритуалы в очень значительной степени институционализированы и приобретают формальный характер, и при этом исчезает жесткость ритуальной регламентации жизни; символы "опустошаются", отрываясь от тех вещей, которые символизируют, и не отождествляясь уже с ними, и их существование напоминает существование идей репрезентативной культуры, превращающихся в социальные факты. Тем не менее эти категории, несмотря на все изменения, остаются актуальными для исследования современного общества — как в случае изучения его современных элементов (например, указывается, что смена научных парадигм, описанная в работе Т.Куна "Структура научных революций" может быть представлена как борьба мифологий), так и традиционных (и в этой связи подробно описывается национальный миф).

Название следующей главы "Традиция — канон — стиль" дает еще одну триаду, центральную для исследования культуры с точки зрения того особенного и специфического, что отличает ее от других культур. Признавая трудность четкого определения понятия "стиль", которое, однако, всем ясно на интуитивном уровне, автор рассматривает соотношение стиля, традиции и канона. За каждым из этих понятий стоит представление о специфической форме существования культуры, и различаются они по двум признакам: во-первых, традиция, если можно так сказать, полностью охватывает человеческий опыт, и в этой ситуации отсутствуют представления о возможных альтернативных формах поведения, тогда как для стиля и канона они всегда есть; во-вторых, стиль оказывается результатом осознанного и свободного выбора, тогда как канон задается нормативно, а в случае с традицией ситуация выбора не возникает вообще. И все три понятия приложимы как к узко понимаемой культуре, области художественного творчества, так и к любой другой сфере общества (например, политическая или экономическая культура).

Рассматривается понятие жизненного стиля, появляющееся в работах классиков социологии, но прототип которого можно найти гораздо раньше, в средневековом понятии жизненной формы. Жизненный стиль охватывает множество аспектов существования человека, определяя, каким образом он видит мир и как ведет себя в нем. Отличие жизненных стилей, характерных для современности, от того, что было до нее,

проявляется в том, что стилевое многообразие культуры современного общества предопределяет отсутствие стилового единства на индивидуальном уровне, то есть Жизненный стиль человека перестает быть гомогенным и строится иногда из очень разнородных элементов, ни один из которых не может полностью охватывать всех сторон жизни.

По этому признаку общества вообще можно разделить на две большие группы: на те, которые обладают моностилистической культурой, и те, в которых культура полистилистическая. Что такое моностилизм и полистилизм культуры, определяется через понятие репрезентативной культуры: моностилистическая культура — та, в которой идеи действительны в силу признания их всеми членами общества, а полистилистическая, соответственно, — определенной частью общества. В первом случае можно выделить некоторое "сакральное ядро" культуры, независимо от того, имеет ли оно религиозный или чисто идеологический характер, во втором случае единое ядро отсутствует. Автор подробно рассматривает основные категории как моностилистической, так и полистилистической культуры, показывая, что при использовании культурного анализа трансформационный процесс в России может быть представлен как движение от моностилистической культуры к полистилистической.

Хотя связь между рассмотренным ранее социологическим понятием мифа и понятием культурного стиля специально не подчеркивается, часто встречающиеся параллели между мифологическим и "стилевым" подходами к культурному анализу становятся очевидны даже из тех фактических примеров, которые собраны в книге.

Две заключительные главы посвящены возможностям изучения в рамках социологии культуры традиционных социологических тем — социальной трансформации, социальных идентификаций и социальной структуры, причем удачным кажется то, что эти темы рассматриваются не по отдельности, а в их взаимосвязи. В начале книги упоминалось о "вторичности" культуры в марксистской парадигме и о фактическом отодвигании ее на те же вторичные позиции в большинстве конкретных социологических исследований, не только в России, но и везде, где есть социология; "вторичность", в частности, проявлялась в том, что культура развивалась как бы вслед за обществом, догоняя меняющиеся социальные формы. Этому подходу противопоставлялся другой, согласно которому культура обладает доминирующей, по сравнению с "материальными факторами", социальной значимостью, и в особенности это касается процесса социальных изменений, поскольку перемены происходят сначала в культуре и только потом, становясь частью репрезентативной культуры, превращаются в социальную реальность.

В рамках второго подхода описывается процесс социальной трансформации (причем теоретические моменты сочетаются с многочисленными отсылками к российскому опыту) с точки зрения появления и распространения новых культурных форм, распада прежнего жизненного мира и формирования новых его структур, появления новых идентификаций. Детально описывается механизм так называемых культурных инсценировок, то, каким образом люди могут обретать идентичности, ранее не характерные не только лично для них, но и для всей культуры (в качестве примера приводятся казачество и российские политики).

Социальная структура, социальное неравенство также рассматриваются как культурные явления. Говорить о повсеместно существующей вертикальной стратификации можно только с точки зрения современного человека или тем более социолога. Ссылаясь на данные антропологических исследований, автор показывает, что в традиционных обществах, где неравенство не осознается как проблема, но воспринимается таким же естественным, как любое явление природы, едва ли правомерно говорить о социальном неравенстве: не существуя на уровне идей, оно не становится социальной реальностью. При осознанности социального неравенства (возникающей в связи с модернистским проектом) социальный статус существует в результате его признания как части репрезентативной культуры.

Для современных обществ как в социологической теории, так и репрезентативной культуре, а значит, и в социальной реальности, характерно постепенное смещение центра внимания от традиционных факторов, определяющих социальную структуру и в основном доступных статистической фиксации, к тем, которые определяют структуру общества как совокупность распространенных в нем культурных стилей. Рассматриваются два подхода, сосуществующие в современной социологии. Согласно первому, набор статистических характеристик, определяющих социоструктурную позицию человека, практически предопределяет его положение в системе стиловой дифференциации; согласно другому,

стили "свободно парят" над социоструктурными образованиями, практически от них не зависят и свободно выбираются людьми. Автор показывает, что противоположность этих подходов во многом кажущаяся и что оптимальный путь культурного анализа проходит где-то посередине. Можно, однако, догадаться, что симпатии автора находятся целиком на стороне новых стилевых форм социальной дифференциации. Он констатирует, что их значимость повышается, в то время как традиционные формы стратификации в современном обществе стираются и вообще могут со временем исчезнуть. В заключительных главах затрагиваются такие темы, как модернистский проект, постмодерн и социологическая реакция на него, идеологии и их роль в трансформационном процессе.

В книгу включены также два приложения, повышающие ее ценность как учебника: это программа курса "Социология культуры", структура которой несколько отличается от структуры самой книги и включает некоторые базовые проблемы, не затрагиваемые специально в пособии; во-вторых, это примерный список тем студенческих рефератов, который может оказаться полезным как студентам, так и преподавателям. Кроме того, обширная библиография, включающая работы как зарубежных, так и отечественных авторов, предоставляет дополнительный источник информации для тех, кто хочет побольше узнать о проблемах, изложенных в книге.

Р.Г.ГРОМОВА,
Междисциплинарный академический центр социальных наук (Интерцентр)